

ЖАН-ЛЮК ЛАГАРС

О МОГУЩЕСТВЕ И БЕССИЛИИ

Перевод Алины Корниенко

ДАВАТЬ СЕБЕ НОВЫЕ ОБЕЩАНИЯ

Вы же не дикие варвары, и среди вас нет виновных, и, наверное, изрыгая ваши вопли отчаяния, вы и сами заметили, что в вас нет никакого отчаяния. Ибо от отчаяния вы бы давно уже умерли. Нельзя сдаваться. Перестаньте играть в одинокого человека, не ко времени эти игры: ведь если вы храните привязанность друг к другу, разве вы не видите в одиночестве божественные проблески?

Петер Хандке, «По деревьям»

Давать себе новые обещания. Обещать себе больше никогда не возвращаться к истокам. Идти своей дорогой. Не слушать заботливых и чересчур внимательных советчиков. Подвергать сомнению любую истину. Продолжать бояться, волноваться, никогда и ни в чем не быть уверенным. Беспокоиться из-за признания и сохранять мнимую заносчивость. Ненавидеть имитацию. Хранить воспоминания. Никогда не забывать притворяться. Говорить правду и больше не хвастаться этим. Забросить короткие дороги и следовать за неизвестностью. А еще, время от времени, останавливаться, ничего не делать и не оправдываться, мол, это было необходимо, чтобы все обдумать. Не торопиться. Усмехаться в самые неподходящие моменты. С нежностью улыбаться. Перестать быть продуктивными. Бороться с посредственностью. Сопротивляться. Избегать таких непонятных и недостижимых слов и явлений, как «консенсус», «конъюнктура», «синергия», ведь несмотря на все годы учебы, мы так и не постигли их смысла, а значит, не стоит их и упоминать. Не бояться противостояния, а тем более, становиться его зачинщиком. Иногда ввязываться в драки «забавы ради». Смеяться над собой. Несмотря на все свои неудачи и поражения, сохранить в себе легкую иронию по отношению к победе. И, конечно же, наоборот.

ОТКУДА ОНИ БЕРУТСЯ?

Меня все спрашивают: «Откуда они берутся? Как Вам пришла в голову эта идея? Когда у Вас возникла эта странная идея?»

Я не знаю.

У меня нет ни малейшего понятия, а может, я просто не хочу этого знать.

Или же, я никогда этого не знал. Возможно, вполне возможно. И, стоит признать, я не слишком хочу это знать.

Они просто проносятся в голове как нечто мимолетное и незначительное, по правде говоря, идеи не записывают, а вот уже после записи, через время, они обретают форму, переставая быть идеями как таковыми. Я никогда не мог определить тот самый первый миг влюбленности. А вот если бы я мог, если бы я обращал на это внимание, проявлял осторожность к «мелочам», я бы никогда не терял бдительность.

Также и с творчеством. Я начинаю писать чаще всего в не самые простые моменты моей жизни, ведь когда все хорошо, только и делаешь, что наслаждаешься своим счастьем, а когда что-то идет не так, с головой уходишь в работу. Ну а когда дела совсем плохи, вообще перестаешь что-либо делать и просто пытаешься удержаться на плаву.

Поэтому творческий процесс – это пограничное состояние. Черта.

ПРИВЕТСТВУЯ И НАБЛЮДАЯ СОБСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

В следующем году, если задуматься, какое прекрасное выражение, в следующем году будет несколько новых автопортретов, сотканных из всей лжи и гордости, из столь часто повторяемых пустых обещаний, из признаний в любви и выдуманных воспоминаний, которые куда прекраснее настоящих, из черно-белых снимков – случайных вспышек во тьме, едва ощутимого трепета, скрипа дерева, звука давно потерянных шагов, теней и призраков, вестников опускающейся ночи, ангелов и изгоев, усопших и живых, всегда меланхолических роковых дам, выходящих в свет в последний раз, благородных мужчин и божественных идиотов, смерти во всем ее могуществе, животного влечения, мужчин и женщин, небылиц лжеца, снисхождения к начинающим фокусникам, постыдного страха за немолодых воздушных гимнастов, воспоминаний и сожалений, сильных или незначительных угрызений совести, из слов, из песни слов, из случайного дурацкого смеха слов, из их боли, а еще из повторов, избитых, но обязательных к употреблению фраз, уже в прошлом году, из дыма, конечно, смотри, как мы будем стеснять друг друга, из выжидающих хищных животных, да, это было бы интересно, и из ужасающего безумия очевидцев, из мира после войны, из секретов, о которых мы догадываемся и которые мы раскрываем, из безутешной скорби тех, кто замолчал, из медленных танцев, а может, будем надеяться, и из танцев любовников, которые знают, что завтра им придется делать все это снова в то же самое время, в одуряющих звуках музыки, *до боли знакомых*, и вот в самом конце, когда эта музыка затихает, они остаются неподвижно стоять, лицом друг к другу, в ожидании, на обоих концах сцены, они снова желают друг друга, приветствуя и наблюдая собственное исчезновение.

ПРИТВОРЯТЬСЯ ИЛИ ЖИТЬ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ

В следующем году, да-да, в следующем году я снова поеду к морю, вновь пересеку всю Францию на поезде, опять поеду на гастроли, остановлюсь в Лионе, в отеле «Феникс» и еще, в этом, как его, в «Англетере», который в Нёвшатель (Швейцария). Больше не сидеть на одном месте, быть везде, путешествовать. Мои репетиции будут проходить в Париже, скорее всего, на улице Шаронн, декорации будут строить в Дижоне, мы вновь сыграем спектакль в Страсбурге, заскочим в Тулузу, будем любоваться Гаронной, отыграв последнее представление, вспомним Алес, где уже побывали когда-то, и из каждого города я буду отправлять домой глупые открытки. Озябший, я буду ждать свои рейсовые автобусы в тумане, например, от компании «Арбалет», отправляющийся из Цюриха, буду отстаивать свое право на место рядом с водителем, Радио Невер будет утопать в шуме дороги, я обязательно прогуляюсь по очаровательному Семюру, пусть даже там и нет ни одного театра, и завершу свой вечер в Бретани, охваченной очередным ненастьем. Каждую ночь я буду звонить домой, заходить в чужие номера отелей, умирать со смеху под синтетическим покрывалом сети «Modern Hôtels», буду засыпать между рядами во время подготовки сцены, а потом буду пытаться взбодрить себя литрами кофе, пока театр наполняется первыми зрителями. Я займу свое место за кулисами, буду наблюдать за ложами, балконами, амфитеатром в ожидании своего выхода, вслушиваясь в до боли знакомый текст, суеверно не обращая внимания на коллег, столкнувшись с кем-то из них в тени декораций, но все же украдкой перемигиваясь, волноваться как в первый раз и упиваться своей любовью к театру. Играть свою роль, просто играть ее и ничего более, притворяться или жить своей жизнью.

К ВОПРОСУ О «БИБЛИОТЕКАХ»

«Марш Радецкого» Йозефа Рота, конечно же «Любовь властелина», рассказ «Проводите Месье и Мадам Ф. в комнату номер...», написанный Зельдой по сюжету, придуманному Скоттом, чтобы она хоть немного поработала и перестала бояться. «Мертвые» Джойса. Полное собрание сочинений Мольера, на всякий случай. «Береника» и «Андромаха», но если придется выбирать, то все же «Береника». «Записки о современных манерах», которые, надеюсь, нам больше никогда не понадобятся, так вот, «Записки о современных манерах», забавы ради, «Дневник одного путешествия во Францию», просто чтобы не забыть, и его же «На грани слез» на случай полной растерянности. Как бишь его? «Афоризмы» Лихтенберга, чтобы вечером в баре привлекать к себе внимание. Ведь бары будут, правда? Как и всегда, «Мои родители» и «Воспитание чувств» для повторного прочтения (надеюсь, у меня будет на это время). Непременно достать «Ларусс» 19го века, зазубрить первые страницы «Исследования», добавить к этому список «Мертвых швейцарцев» парня со станции Малакофф, «Шутников» одной болгарской дамы, чтобы хохотать посреди ночи, вспоминая своих друзей, взять мои альбомы по фотографии, чтобы подолгу рассматривать их под лампой, мой семейный фотоальбом, куда же без него, и мою детскую коллекцию марок, должна же она хоть чего-то стоить, раз я когда-то потратил на нее столько времени. Обязательно «Вишневый сад», все роли из которого я сыграю сам на террасе. У меня ведь будет терраса? «Вишневый сад» в конце лета, лето ведь когда-нибудь кончится, «Три сестры», «Безотцовщина» и «Король Лир», раз уж будет терраса, я непременно ею воспользуюсь, пусть и немного нелепо, я буду вздывать руки, произнося текст перед невидимыми зрителями, ну и что с того? Никто меня не увидит и не услышит. «Дневник чумного года», вдруг осознав, что упустил целые главы, «Записки из Мертвого дома», чтобы лучше понять все происходящее с нами, и, чуть не забыл, «Я помню», чтобы напевать ее себе под нос, когда будет паршиво на душе или за окном. «Вес мира» - «один в ночи я подмигиваю сам себе» - и «По деревьям» - «отчаявшись, вы умрете» - а еще путеводитель по Риму и «Алиса», ведь с детства в моей голове плотно засели «Не знаю я сам, чем он дорог мечтам — В минуты раздумий, в минуты уныний!» и, может, еще пара строчек... Все эти книги должны лежать в большом деревянном ящике подобно тем, что были у моряков, думаю, из дуба или ели, не важно, прочном и герметично закрывающемся.

МЫ ДОЛЖНЫ БЕРЕЧЬ ОБИТЕЛИ СОЗИДАНИЯ

Мы должны беречь обители созидания, обители интеллектуального могущества, поверхностности, места изобретения пока несуществующего, места переосмысления прошлого, места, где зарождаются вопросы и критическое мышление. Это наша прекрасная собственность, наши дома, всех и каждого. Давайте прекратим воздвигать эти впечатляющие оплоты предельной убежденности, ведь их и так предостаточно. Память тоже может быть живой, а воспоминания счастливыми или жуткими. О прошлом можно говорить не только шёпотом. Мы не должны быть тихими. Мы должны осознавать и беречь обители нашей неуверенности, наши слабые места, наши трудности в высказывании и понимании в самом сердце своего мира. Мы должны оставаться нерешительными, и именно благодаря этой нерешительности мы и противостоям резким или приятным высказываниям категоричных профессионалов, логичных экономистов, продавцов-консультантов, корыстных посредников, интриганов, пройдох и сильных мира сего.

Мы не можем довольствоваться нашей чистой или запятнанной совестью перед окружающим нас варварством, ведь оно заключено в нас, разрушая изнутри и изливая свой гнев на других. Мы должны оставаться бдительными по отношению к окружающему нас миру, а для этого необходимо быть бдительными, в первую очередь, по отношению к себе самим. Мы должны следить за теми злом и ненавистью, которые тайно зреют внутри нас, должны хотеть распознать в себе ту потаенную, безмолвную ненависть, которая ждет своего часа, чтобы поглотить нас и воспользоваться нами для того, чтобы уничтожить безвинных врагов. Обители Искусства могут избавить нас от страха, а когда мы меньше боимся, мы уже не такие скверные.

Мы не должны предаваться забвению, но что это значит, не предаваться забвению вовсе не означает каждый день, каждый вечер, с двадцати ноль-ноль до двадцати тридцати, во время молитвы или коллективного искупления грехов. Не предаваться забвению – это не только наблюдать за тем, как прошлое постепенно отдаляется от нас, наше счастлирое исцеление от него, не предаваться забвению – это еще и смотреть в лицо сегодняшнему дню, сегодняшнему и завтрашнему, смотреть исключительно прямо в глаза, ничего не видеть и, конечно же, не притворяться, прекратить утверждать, но все же продолжать свой путь, сохранить ясный взгляд, идти размеренно с безмятежной улыбкой, не имея при этом никаких гарантий.

Общество, община или цивилизация, отказывающиеся от Искусства, искореняющие его во имя малодушия, неосознанной праздности, отход от себя самих, теряющие бдительность по отношению к себе самим, отказывающиеся от завтрашнего наследия, от будущего наследия ради сиюминутного развлечения, животного самоудовлетворения, ради ложных ценностей, такое общество отказывается от риска, лишает себя единственно возможной правды, оно заранее забывает построить собственное будущее, отказывается от своей силы, от своего слова, оно более ничего не говорит ни другим, ни себе самому.

Общество, община или цивилизация, отказывающиеся от неожиданностей, от своих возможностей, от промедлений, сомнений, от своей непринужденности, никогда не отказывающиеся от бездумного производства, пусть даже на мгновение, общество, которое больше не улыбается, хотя бы изредка, вопреки несчастьям и разрухе, под гнетом своих тревог и одиночества, такое общество довольствуется только самим собой, предаваясь болезненному и горделивому самолюбанию, пассивному любованию

собственным лживым образом. Оно отрицает свои ошибки, свое уродство и свои промахи, скрывает их от себя самого, оно ощущает себя прекрасным и идеальным, оно лжет само себе. И вот, будучи жалким и скупым, с пустой головой и полным отсутствием воображения, это общество исчезает, уничтожая все вокруг, отдавая себе в этом отчет или нет, топит себя и низвергает до собственного воспоминания, мнения о себе самом. Оно гордое и вместе с тем унылое, вскормленное собственными иллюзиями, оно верит в свое величие, не понимая, что у него нет ни будущего, ни возможного продолжения, ни даже истории. Это общество верит в собственную неотразимость, потому что само же провозглашает себя таковым, будучи единственным свидетелем данному заявлению. Оно мертво.

И ИМЕННО ЭТОЙ НОЧЬЮ КАЖДЫЙ ИЗ НАС ОБРЕТАЕТ ПОКОЙ

Стоит признать, что нас не всегда будут видеть такими, какими мы хотим, такими, какими мы бы хотели, чтобы нас любили. Мы должны научиться принимать мнение окружающих и не питать пустых надежд, не настаивать на собственной правде, ведь ее всегда приходится согласовывать с окружающими, и именно поэтому, *к сожалению или к счастью*, мы больше не можем ни с кем ею делиться.

Отказаться от общепринятых нравов, от всех общепринятых нравов, от этих идиотских идей ложной современности, от этого мнимого навязанного обязательства ежедневно рассказывать окружающим о себе и обо всем, что с тобой происходит, растворясь в этой жизни напоказ, выносить на всеобщее обозрение разные пустяки, пытаться поверить в то, что из этих пустяков и состоит наше самое сокровенное, наша душа, которой мы во всей этой публичности якобы не лишаемся. Нет. Отказаться, оставить при себе, принадлежать только себе самому, а если и открываться, то самым близким.

Раскрывать только самые большие секреты, говорить только о главном, ведь наши тайны далеко не всегда бывают страшными или грустными. Признаться только единожды и больше не повторять сказанного, радоваться этому, кто-то что-то не понял, *печально*, ни под каким предлогом не возвращаться к вопросу и пользоваться этим преимуществом. Незаметно притворяться, искусно врать и откровенничать только с самыми чуткими и благородными людьми.

Идти своей дорогой, быть желанным вопреки, быть *наконец* прощенным за все счастливые моменты прошлого или, *что тоже было бы неплохо*, быть ненавистным кому-то из-за нелепого недопонимания. Никогда ничего не опровергать.

Больше не бояться, не притворяться и перед столькими фальшивыми лицами обрести, наконец, столь необходимое спокойствие или хотя бы избавиться от страха ужаса, устранить только этот страх, больше не позволять никому и ничему запугать себя, с улыбкой заглушить своих внутренних демонов.

Быть высокомерным, почему нет? Это последняя попытка проявить стойкость, продолжить свой путь с гордо поднятой головой. Быть стойким и быть живым – синонимичные понятия. Стоять на своем. Заранее ничего не стыдиться, не клеймить себя, отказаться от групповых поездок, от совместных предприятий и каких-либо консенсусов. Не прибегать ни к чьей помощи.

Не бояться сбиться с пути, отдаляться, но отдаляться в одиночку, искать свой путь, ненавидя при этом себя самого, возможно, это куда лучше, чем достичь той самой вожденной всеми цели в общении с другими? Приходить с опозданием, совершенно разбитым, под покровом ночи, но приходить по собственной горделивой воле. Избегать семейных и дружеских сборищ, всяких важных мероприятий, похорон, вручений премий и прочих торжественных посиделок. Теряться, быть потерянным, - только так мы сможем обрести себя.

Выбирать себе друзей, признавать свою неприязнь, заявлять о своей нетерпимости. Любить далеко не всех и вся, зато любить своих избранных близких еще сильнее. Иметь несколько непримиримых врагов и тайных возлюбленных. Не всегда выражать свою любовь, быть не в силах выразить её, потому что это сложно, или рискованно, или же просто быть несозданным для выражения своей любви к кому-то, но зато время от времени пользоваться роскошью открыто показывать свое раздражение.

Конечно же, мы будем влюблены, ведь это меньшее, на что мы способны. Мы не всегда будем держать это в тайне, мы будем утомительны и назойливы, что совсем неплохо, а еще, мы не всегда будем меланхоличны, не всегда останемся верными и чистыми, мы не всегда, даже не знаю, мы много какими еще не будем, но *знаю точно*, мы будем влюблены!

Иногда мы становимся воинами, мы ведь так хотели сами выбирать свой путь, и вот мы идем своей дорогой, мы верим, что ничто не заставит свернуть нас с избранного пути. Мы воины, и когда грусть нападет на нас, когда мы будем гордыми победителями, оставленными трусливыми врагами на поле боя, или, наоборот, когда будем повержены, мы вновь почувствуем себя детьми, грустными и потерянными, не знающими, кому и чему посвятить себя, сокрушающимися, что о нас больше никто не заботится и мы предоставлены сами себе.

Когда позже мы будем рассказывать об этом, придумывая красивые детали, примеряя на себя новые роли, мы станем настоящими пижонами, непринужденными, мы притворимся, что никогда ни в чем не нуждались и не нуждаемся, посмеиваясь над своими поражениями и замалчивая свои победы.

И петь во тьме, и двигаться медленными шагами, возвращаться, нашептывать смешные истории и, время от времени, истошно кричать в одиночестве, чтобы поддерживать себя в форме. Будить спящих. Вновь смеяться над глупыми шутками, ведь наш истинный смех вызывают только те анекдоты, конец которых мы уже знаем. И вот мы затягиваем наш любимый припев, - мы бродим по пустынным улицам после спектакля в поисках отеля, - или, как это иногда бывает, мы устали или просто задумались каждый о своем, немного отстраненные и в меру пьяные идем бок о бок в полной тишине, «мы, герои». И именно этой ночью каждый из нас обретает покой.

КАК Я ПИШУ

Письмо – та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь телесная тождественность

*пишущего.
Ролан Барт*

Большинство моих текстов написано на компьютере Macintosh Classic. Сразу. Раньше я пользовался печатной машинкой, перенося тексты из тетрадей. Это были компактные механические машинки, первая появилась у меня еще в детстве, потом я обзавелся электрической, и, наконец, в Германии приобрел электрическую с объемом памяти, который мне вряд ли когда-либо удастся заполнить. Компьютер стоит на письменном столе в моем кабинете, выходящем окнами в тупик, здесь я частенько сплю и здесь же хранится большинство моих книг. В своем кабинете я прячусь за всегда опущенными черными жалюзи. Все мои тексты написаны шрифтом Times, четырнадцатым кеглем и выравнены двойным отступом слева и одинарным справа. При необходимости я использую нумерацию справа внизу страницы. Свой черный складной письменный стол я купил при переезде из Безансона в Париж на улицу Дидо. Много лет я работал за этим столом, очень узким в сложенном виде, стоящим прямо у стены, спиной к окну, лицом к висевшему на стене диптиху Мэпплторпа «Патрис» (1978), который пришлось оставить в старой квартире из-за треснувшей при переезде рамы, и который А. обещает привезти мне, но все никак не привезет с тех пор, как живет там, что меня одновременно раздражает и забавляет. Когда я только переехал сюда, здесь было больше места, поэтому я решил разложить, наконец, свой письменный стол. Слева от компьютера лежит стопка текстов, рукописей в работе и материалов к прочтению. За компьютером расположились принтер и черная эргономичная настольная лампа. Под ней на протяжении вот уже многих недель валяются семейные фото. Справа стоит купленный тринадцать лет назад стаканчик со старыми ненужными ручками и большими тонкими ножницами. Еще есть коробка с дискетами, пресс-папье из камня и серебристого металла в форме льва с надписью «Защитникам Белфорта», подаренное мне А., открытка с Йозефом Бойсом в очках и шляпе, он побуждает меня к работе, чернильница, рабочий телефон и лоток для бумаг, в который напиханы клочки бумаги, моя чековая книжка, моя транспортная карта SNCF и мой журнал измерения температуры тела. Счета за коммунальные услуги и неотвеченные письма лежат между клавиатурой и монитором. В правом углу стола маленький подгнивший кактус, который мне подарила Элизабет, пытается поймать хоть немного света из-под опущенной шторы, искривляясь и нелепо прорастая лишь с одной стороны. Обычно на столе также валяются монеты, вынутые из кармана прошлой ночью, и плитки шоколада. Свой Дневник я, напротив, пишу в школьных тетрадях в мелкую клеточку на сто девяносто две страницы. Я пишу во всю длину страницы, несколько раз неровной сплошной линией подчеркивая дату. Я пишу его ручкой Mont-Blanc, которую мне подарили три моих друга. Эта ручка всегда со мной. Я пишу черными чернилами, чернильница обычно стоит на столе, а в дорогу я плотно обматываю ее крышечку черным скотчем, чтобы она, не дай Бог, не открылась. Я пишу и вовремя прогулок по Парижу или где-нибудь еще в небольших блокнотах, которые служат черновиками, в блокнотиках исключительно в клеточку, выбор которых всецело обусловлен размером моего левого заднего кармана. Отдельные тексты я пишу в небольших, но не слишком тонких тетрадях, которые я покупаю для конкретного проекта и не исписываю полностью. Однако эта моя привычка постепенно изживает себя. Блокноты я теперь все чаще использую для нескольких проектов. Теперь я пишу по утрам. Я рано встаю и, как только кофе готов,

сажусь писать. Умываюсь я позже. Я стараюсь использовать эти ранние утренние часы с пользой. Около 10:30 утра телефон начинает звонить, систематически отвлекая меня от моих текстиков. Я пишу тайком. Работаю над моим Дневником преимущественно в кафе. Перед выходом из дома я кладу свою тетрадь за пояс под свитер или в сумку. Иногда я пишу поздно ночью, даже лежа в кровати. Бывает, я описываю те или иные события по прошествии несколько дней или недель. У меня ужасный почерк, почти нечитаемый. По этой причине я теперь не пишу письма от руки, а печатаю на компьютере и сохраняю их в папку «Личная корреспонденция». Названием для каждого документа служит фамилия получателя и дата написания. Я делаю много орфографических ошибок, сейчас я делаю куда больше орфографических ошибок, чем в молодости. Я проверяю себя со словарем, но, как все люди, грешащие ошибками, я зачастую пропускаю их, будучи полностью уверенным в том или ином написании. А вот с грамматическими ошибками у меня, кажется, получше. Дома я всегда работаю под музыку. Она доносится из соседней комнаты, где она должна быть включена громче обычного, чтобы в кабинете ее было хорошо слышно. Если я пишу вне дома, к примеру, в кафе, ни шум, ни люди мне не мешают, более того, я скорее выберу переполненное, нежели пустое заведение. Я то отрываюсь от своей тетрадки, то опять погружаюсь в нее, и это никак не сказывается на писательском процессе. Мне нравится сидеть лицом к улице, если это возможно, смотреть на проходящих мимо людей и возвращаться к работе. На моих пальцах остаются чернила, я всегда возвращался домой из школы с чернилами не только на руках, но и на лице, и сегодня, несмотря на эту прекрасную ручку, ничего не изменилось. Чернилами порой испачкано даже мое постельное белье, а само перо я очень долго вытирал о свои брюки и рубашки, но, так как мне постоянно это вменяли, пришлось прекратить. В поездках и иногда вне кабинета, перед телевизором, в отелях и поездах я работаю на плоском сером ноутбуке. Он путешествует со мной. Согласно рекламе, *он хранит все мои воспоминания*. Если бы я сбежал, то взял бы с собой только его. Я не решаюсь писать на нем свой Дневник, хоть эта идея уже зреет в моей голове, ведь тогда не придется перепечатывать его из тетрадей, что, возможно, сэкономило бы немного моего времени. Однако тогда стоило бы смириться с тем фактом, что мой Дневник будут читать, а это не так просто и поэтому беспокоит меня. Компьютер уничтожает черновики, вычеркивание и угрызения совести. Поначалу я писал текст заново и присваивал номер каждой его версии. А потом перестал. Ведь, к сожалению, в конечном итоге остается лишь последнее написанное слово. Я не всегда пишу. Иногда я просто делаю вид. Вот уже два года как я не пишу. А так не считает, он не хочет принять эту данность. Я создал много небольших текстов, таких, как этот, но ничего более. По возвращении из Германии и после смерти Г. я перестал писать, совсем. Я написал пьесу и участвовал в написании сценария, но это была работа, а не творчество. Немного профессионализма вперемешку с опытом. *Я ставил в театре*. Я не прерывал работу над своим Дневником, машинально писал и писал его, я садился в кафе и продолжал вести учет своих дней, чтобы не потерять себя окончательно, а еще попытался привести в порядок предыдущие тетради. Изо дня в день я спокойно переписывал свои прошедшие года. Возможно, все вернется на круги своя, как принято говорить, не знаю. Можно писать и это будет не литература, притворяться, но при этом оставаться безмолвным, бесполезным и бессильным. Какой-нибудь особенный текст может родиться в голове без малейшего желания увидеть его на бумаге, в отсутствии сил изложить его кому-либо кроме себя.

О МОГУЩЕСТВЕ И БЕССИЛИИ

Иногда я чувствую себя бессильным. Бесполезным, беспомощным, неспособным сказать или сделать что-либо. Я как будто слепну, становлюсь глухим и предельно глупым. Я склоняюсь перед своим бессилием. Я будто лишаюсь всего и непременно должен подчиниться. Я застываю в невозможности сказать хоть слово, продолжить разговор, ответить, во всеуслышание произнести две-три заранее заготовленные фразы, казавшиеся гениальными в диалоге с самим собой.

А еще, порой я чувствую себя бесполезным перед лицом этого Мира.

Не понимать, отказываться понимать или не принимать молву во всем ее высокомерии, воспринимать ее по-другому, знать и напоминать себе о долге выражать свое отличное от общепринятого мнение и неустанно бороться с молвой во всех ее проявлениях. Быть не в состоянии понять и показать людей такими, какими мы их видим или представляем, забывать их совершенно бесполезные тайны. Наблюдать размывание их личности.

Чувствовать себя уязвимым и растерянным, услышав рокот Войны, почувствовав ее приближение, такое скорое и неизбежное, предчувствовать ее приближение и не отдавать себе в этом отчет, ощущать ее приближение и не делиться этим чувством с другими. Быть не в состоянии сказать правду.

Быть не в состоянии описать и показать во всей красе жестокость, ужасающую силу власти, ее циничное могущество, ее высокомерие, сарказм и умиротворяющую притягательность, уничтожающие нас.

И все же я пытаюсь уловить это, победить свое непозволительное стремление к отречению, свой эгоизм, самолюбование собственным прошлым, выйти из зоны комфорта и перестать хотя бы иногда считаться со своей совестью.

И в этом своем бессилии, в своем внутреннем смятении я пытаюсь хоть немного подбодрить себя, чтобы снова двигаться вперед, сопротивляться своим еще более серьезным, болезненным и тайным страхам, тем страхам, о которых нельзя говорить. Я притворяюсь, что исправно выполняю свое надуманное предназначение, свои обязанности, которые у меня якобы есть, что я как нельзя лучше играю свою роль. Роль, которую я сам себе написал. И вот я в самом центре столицы, вокруг меня столько людей, и я наделен правом голоса, правом, которым я так горд, силой, которую я как нельзя лучше осознаю. Я не боюсь потерять внутреннее равновесие, не боюсь сомнений, что разрывают меня изнутри.

Я могу, я рассказываю об этом Мире, рассказываю свою жалкую и ничтожную историю, которая принадлежит мне одному, я описываю её в своих пьесах и потом ставлю по ней спектакли, жестокие, прямолинейные, но всегда очень честные. В своем театре я стараюсь показать ту силу, которой порой обладают люди, *да, именно её*, мужчин и женщин такими, какие они есть, всю красоту и ужас их взаимоотношений, а также ту легкую грусть, которая охватывает их, когда эти красота и ужас между ними исчезают, я показываю то, как они бегут друг от друга в попытке взаимного уничтожения, одолеваемые своими внутренними демонами.

Я рассказываю людям, выхожу на авансцену и вновь рассказываю людям об отсроченной благодати встреч, о том, как останавливается время и замирает пространство между двумя созданиями, о мгновениях любви, о бесконечной сладости умиротворения, я пытаюсь тихо рассказывать им о том, как безупречна смерть, о том, что стоит преодолеть свои страхи, выкричать всю ненависть, все наше внутреннее смятение и детские скорби, украдкой описываю им обессиленные переплетенные тела, охваченные страстью, то, как могут утомить усталость и опустошить ужас.

ПОЧЕМУ ИМЕННО ПОЭТЫ САМЫХ БЕДНЫХ ВРЕМЕН

*Лучше уснуть, чем так, без защитников,
жить.
Что решать? Что же делать тогда? Что
сказать мне?
Я не знаю, к чему скудному веку певцы?
Гельдерлин*

Почему именно поэты самых бедных времен, художники времен войны и ненависти, а также театр времен боли, какая роль отводится тексту, рефлексии, неустанному переосмыслению, какими правами наделено слово, такое хрупкое и ничем не подкрепленное в дни распада и разрушения?

Что можно противопоставить непрерывному зрелищу катастрофы, что можно сказать, сделать или ответить на непрерывную риторику катастрофы, ее непреодолимое слово, которое отрицает любое другое возможное слово, заполняя и поглощая все пространство вокруг?

В чем еще можно винить это отрицание, эту спокойную бесчувственность катастрофы, ее личину и ее предложение о перемирии? Какого еще права можно лишить ее неоспоримые доводы, которые отчетливо дают нам понять, что мы в конечном итоге с чистой совестью примем все ее условия, умиротворенные, в счастливый час наступления сна?

Зачем притворяться, именно так, *притворяться*, и противиться работе, более того, противиться любым упоминаниям о работе, этим всегда утомительным разговорам о работе, добыче, производстве, эффективном строительстве, как и, главное, по какому праву можно противостоять этим назойливым и непререкаемым, главенствующим над всем разговорам, этим разговорам об отсутствии работы, об отлынивании от работы и о том комплексе вины, который порождает и должна порождать работа во всегда существующем риске мятежа и отречения?

По какому праву можно осмелиться создать что-то прекрасное и поделиться им с другими, оставить немного места для красоты, бесполезности и неопределенности? Как осмелиться претендовать на уязвимость перед лицом приказа, откуда бы он ни приходил, осмелиться найти свое место и затаиться там? Именем какого полномочия, какой силы возможно претендовать на беспечность, на смех и безмятежную улыбку, не отрекаясь от молчаливых раздумий, от мрачной рефлексии, не ведущей к нахождению ответов на волнующие вопросы? Как продолжать по-детски беззаботно идти своей дорогой, сохранив умение неподдельно восторгаться и, вместе с тем, твердую неприязнь?

Не лучше ли все же прислушаться, согласиться, остаться в привычной роли, радовать и не волновать, делать то, что говорят, а не то, что вздумается, с достоинством принимать все обстоятельства и часами беседовать с людьми, осознающими всю тяжесть современной эпохи и ни на секунду не помышляющими о смене привычного хода вещей? И вежливо благодарить за то, что нам должны, и раболепно принимать подачки, взятые из и так причитающегося нам? И преобразовывать обители Искусства, Науки, колыбели наших гражданских прав в благоразумные и безвредные места для развлечений?

ПРОВОЗГЛАСИВ ЭТОТ ОТКАЗ ОТ ТРЕВОГ

Стоит ли нам возвращаться туда, где мы жили когда-то давно, к берегам нашей юности, в места нашего становления, хранящие секреты наших первых сомнений, туда, где мы якобы были бесконечно счастливы, стоит ли нам возвращаться, ведь, кажется, несмотря на все наше притворство и неспособность оставить прошлое, этих мест уже просто не существует.

Стоит ли нам возвращаться к своим истокам, к тому, что сформировало нас, повлияло на нас, в наши университеты, стоит ли нам вновь пройти по местам прошлого, вдоль тех самых рек, и пусть даже опасность заблудиться велика, как и велика вероятность не узнать знакомых когда-то мест или же не увидеть того, что прежде было так близко и дорого.

Мы так часто предаёмся легкой ностальгии, сожалеем об уже давно ушедшем, мы так бережно и с такой любовью относимся к собственному прошлому, прошлому, которое мы так кропотливо выстраивали, идеальному прошлому, всецело отвечающему нашим стремлениям и клятвам. И вот мы уже не можем игнорировать силу лжи и притворства, которые придают нам уверенности в себе и определяют наш путь.

Хотеть любить только то, что мы уже любим, хотеть снова и снова рассказывать ту умильную историю, которую мы все больше приукрашиваем и дополняем мельчайшими подробностями с каждым новым рассказом, пока она не становится столь похожей на нашу выдуманную реальность, что мы начинаем теряться в ткани повествования и нам начинает казаться, что опасности больше не существует, как не существует и боли, ведь счастливый конец неизбежен и известен заранее.

Мы хотим помнить только добродетели наших наставников, несмотря на то, что мы легко можем открыть для себя их слабости, мы также легко можем осознать, насколько крошечными были наши дворцы, а леса всего лишь рошицами, что дорога, которая так манила и вместе с тем пугала нас, была коротка, а наши истории любви, наши чудесные истории любви, одна красивее другой, одна нежнее другой, на самом деле были ничтожны, нелепы и даже глупы.

Но вот мы осмеливаемся отправиться на бесконечные поиски своей трогательной и невинной юности, уверенно и даже немного отстраненно, посмеиваясь над самими собой и в то же время признавая свои сильные стороны, без тени лукавства, гордой скромности или сожаления о совершенных когда-то ошибках,

мы можем соорудить свой крошечный мирок, погрузиться в него, снова и снова переживать наиболее болезненные воспоминания, рана себя или огорчая, разбивать свои зеркала и низвергать своих идолов, рушить свои опоры, терять уважение, переосмысливать свои пристрастия и все равно строить свой собственный мир, осмеливаться говорить открыто, признавать во всеуслышание, громко высказываться, выходить на авансцену, в свет софитов и требовать, чтобы все немедленно замолчали и выслушали нас.

Не принимать свою жизнь такой, какая она есть, не мириться с собственным малодушием, отторгать окружающую действительность, не хотеть анализировать свои поступки или свое бездействие, полное созерцания и рассудительности, говорить только о тех, кто находится далеко в пространстве или времени, об умерших, о чужестранцах, которых так трудно понять,

говорить только о наших сражениях, доверять их собеседнику, не покидая, при этом, свою зону комфорта, заставляя собеседника задаваться только теми вопросами, которые угодны нам, мы клеймим их жизни своим мнением, осуждаем их ошибки, их победы и нелепые поражения, мы умираем, мы уже мертвы, мы смотрим спектакль, мы все – часть этого спектакля, жизнь покидает нас, мы больше ни о чем не спрашиваем себя, мы принимаем и любим себя такими, какими стали. Мы притворяемся.

Принять себя таким, какой ты есть, чтобы примириться с окружающим миром, не отстраняться, остаться посреди пространства и времени, осмелиться отыскать в своем сознании, в своем теле следы других людей, осознать их как часть себя, найти в своей жизни отблески тысяч других жизней, захотеть даже под страхом крушения собственных убеждений познать, искать и все же отказаться найти, оставшись беспомощным из-за угрозы быть непонятым, высмеянным или униженным, продолжить свой путь, отбросив тревоги, провозгласив этот отказ от тревог своим первым обязательством.